

Вадим Петровский

АРТУР ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ: ИПОСТАСИ АВТОРСТВА*

1. Теория деятельностного опосредования межличностных отношений в группе

Автор новой
социально-
психологической
теории

А. В. Петровский – автор глубокой и оригинальной социально-психологической теории деятельностного опосредования межличностных отношений личности в группе. Фигурируя первоначально под названием «стратометрическая концепция групп и коллективов», теория А. В. Петровского описывала различные уровни-слои внутригрупповой активности.

Первый слой: ядро
групповой
активности

Первый, ядерный, слой – деятельность, реализуемая группой. Включение групповой деятельности в социально-психологический портрет группы – принципиально важная отличительная черта концептуальных разработок А. В. Петровского от общепринятых моделей описания групп в социальной психологии (рис. 1).

Любопытный штрих: А. Н. Леонтьев, признанный лидер в разработке проблем психологии деятельности, автор *общепсихологической* теории деятельности, по его

собственным словам, был в немалой степени впечатлен исследованиями А. В. Петровского, выполненными в контексте социальной психологии. Известно, что деятельностная психология А. Н. Леонтьева подчеркивала производяще-порождающий характер деятельности по отношению к сознанию и личности индивида. В общепсихологической концепции А. Н. Леонтьева точка зрения обыденного сознания переворачивалась. Мотивы субъекта, его мировоззрение и мироощущение для обыденного сознания суть источник

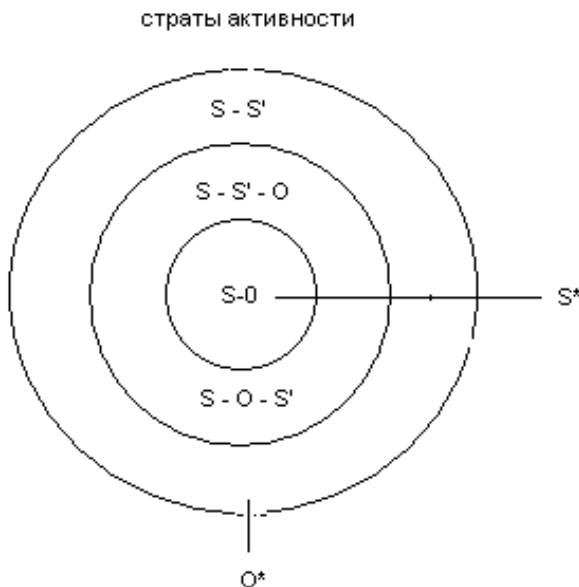

Рис. 1. Слои групповой активности

* В работе использованы материалы публикации В. А. Петровского, вошедшей в книгу «Вместо послесловия: “Многовершинность” личности» [1, с. 437–447].

деятельных контактов человека с миром: «в начале – слово» (добавим «эйдос», «драйв», «воля» и множество других «начал»), а уж потом – деятельность, в которой индивид воплощает свои сокровенные субъективные содержания. А. Н. Леонтьев говорил: «Нет! Вначале дело!» – деятельность есть примат, сознание и личность – дериват во взаимоотношениях человека с миром. Так же и в социально-психологической концепции А. В. Петровского: деятельность «правит бал», иногда непосредственно, иногда исподволь обуславливая межличностные отношения.

Упрощая, можно символизировать ядерный слой групповой активности, используя обозначения: S (субъект = любой член группы), O (объект групповой деятельности), «-» (отношение). Ядро групповой активности, таким образом, представляет собой форму проявления субъект-объектного отношения, S – O. На рисунке читатель видит ядро и два других слоя активности группы.

Рассмотрим ядерный слой более пристально. На рисунке справа от записи S – O в центральном кружке находится еще один знак «-» (длинное тире). Зачем нам понадобился этот знак? Он символизирует важный для создателя теории факт вовлеченности участников группы во взаимоотношения с другими людьми; с теми, кто находится, как правило, «по ту сторону» групповой деятельности (символ S*). В отличие от «своих», «ближних», это – «дальние». Но отношения с ними, так же как и отношения между «своими», опосредствуется групповой деятельностью. Представим себе игроков одной спортивной команды, например футболистов высшей лиги. Игровые взаимодействия на поле, распределение ролей в игре, сценарий игры и т.п. характеризуют ядерный слой групповой активности. Описывая ядро, можно обратить внимание на то, что в нем есть как неизменные, так и подвижные элементы. К примеру, невозможно изменить правила игры, критерии выигрыша и проигрыша и т.п., но уровень физической подготовки спортсменов, сыгранность, «домашние заготовки» зависят от тренера и самих игроков. Кроме того, командный успех неотделим от стратегических интересов клуба (коммерческих, имиджевых), а нередко и от интересов города, страны. Взаимоотношения с болельщиками, фанатами, журналистами – особый аспект групповой жизни. Присмотревшись, мы таким образом убеждаемся в том, что командная игра здесь вписывается в определенный социальный контекст. Следовательно, успех или неуспех групповой деятельности затрагивает интересы

более широкой общности, чем сами игроки команды. Точно так же можно говорить о целях деятельности любой театральной группы, научной лаборатории, экипажа корабля, рабочей бригады, реанимационного отделения и т.п.

Нечто большее, чем личное благо

В подлинном коллективе есть нечто большее, чем личное благо участников, пусть даже и обретаемое посредством других его членов. Иными словами, направленность групповой активности здесь не сводится к достижению узкокорпоративной цели (даже при условии справедливого распределения итоговых благ^{*}). А. В. Петровский особо подчеркивал этот план, говоря, что цель коллектива выходит за пределы исключительно групповых интересов.

Второй слой: личные отношения по поводу деловых

Второй слой групповой активности в теории А. В. Петровского – это межличностные отношения, возникающие в деятельности, опосредствуемые деятельностью и в деятельности непосредственно проявляющиеся. Говоря «межличностные отношения» (мы делаем акцент на первом из этих двух слов). Этим мы хотим подчеркнуть, что члены группы рассматриваются как вступающие в *личные* отношения друг с другом по поводу деловых, деятельностных; их личные отношения, говорит Петровский, опосредствуются содержанием и формой организации совместной деятельности, но при этом сохраняют психологический статус субъект-субъектных отношений. То деятельностное начало, которое опосредствует их отношения, является общим для всех членов группы, что принципиально. Именно по этой причине, например, отказ кого-либо из членов группы от участия в общем деле рассматривается как событие в межличностных взаимоотношениях членов группы, равно как и успех, инициатива, оригинальные решения и т.п. Это затрагивает всех, так как индивидуальный вклад в коллективный процесс затрагивает каждого в группе, ограничивая или обогащая возможности его собственного участия. Благодушные (и по-своему притягательные) призывы отделять «личное» от «делового» оказываются тут совершенно несостоятельными. Ибо есть такой слой личных отношений,

* Во времена создания теории А. В. Петровского еще не появилось таких выражений, как, например, «распилить прибыль». В наш век с его изысканным бескорыстием, любовью к ближнему, а уж тем паче – дальнему, идеи А. В. Петровского о нравственных основах и социальной значимости групповой активности могут показаться доброжелательному критику нелепым анахронизмом.

Новые понятия и «вкус к факту»

который *в принципе* неотделим от отношений деятельностных. И этот центральный тезис теории А. В. Петровского раскрывается на множестве эмпирически исследованных феноменов групповой жизни.

Говоря о том, что это были эмпирически установленные феномены, подчеркнем присущую автору теории установку на поиск операциональных определений конструктов, вводимых им самим и его сотрудниками. В этом пункте особенно рельефно выступало различие не только в философско-методологических позициях, защищаемых А. В. Петровским (построение *деятельностной* социальной психологии), но и в методических решениях, «индексирующих» новые понятия. Создается впечатление, что для А. В. Петровского были в равной мере значимы ответы на вопросы: «Как вы это понимаете?», «Как вы это измерите?», «Как вы это зафиксируете?»

Автору этих строк было 17 лет, а его отцу, А. В. Петровскому, было тогда 39, когда в зале прозвучали памятные слова Б. Ф. Поршнева на одном из заседаний Психологического общества, обращенные к ведущему: «У вас, Артур Владимирович, есть вкус к факту!» Да, это было так. Был вкус и интерес к факту. Был азарт экспериментатора. Но вкус к факту не был самодовлеющим. Артуру Владимировичу не были интересны факты как таковые. Был интересен поиск фактов, за которыми стояла концепция, та или иная проверяемая гипотеза.

Феномены второго слоя групповой активности

В результате социально-психологических исследований А. В. Петровского и его сотрудников* были открыты такие феномены второго слоя групповой активности, как «коллективистическое самоопределение», «опосредствованность межличностного выбора», «соучастование», «ценностно-ориентационное единство» и многие другие.

Третий слой: отношения близости

Наконец, третий слой групповой активности – это отношения эмоциональной (и, добавлю от себя, возможно, духовной) близости членов группы, складывающиеся помимо отношений, определяемых деятельностью группы. Этот слой межличностных отношений, разумеется, опосредствован предметами общих интересов, а стало быть, деятельности общающихся индивидов, но этот общий интерес не является интересом всей группы, центром групповой деятельности – это может быть интерес на двоих, «на троих» (почему бы и нет?). Интересы членов группы разнообразны, поэтому разнообразны и возможные пересечения их интересов. На рисунке мы

* Как любил говорить А. В. Петровский, «они образуют незримый колледж».

Приватные отношения «прогреваются» отношениями деятельностьюными

изобразили символ объекта частного интереса тех или иных представителей группы (O^*).

Здесь возникает важный вопрос о том, как сочетаются объекты частных интересов O^* и «всеобщий» общественный интерес, символизируемый на рисунке значком S^* .

Кто-то из читателей, возможно, вспомнит шутку советских времен о «товарищеском суде Линча» и песню Александра Галича «Красный треугольник», где поется о несчастном муже, который за измену жене, гражданке Парамоновой, подвергается суровому общественному порицанию со стороны бдительных товарищей по работе. В подлинном коллективе нет и не может быть речи о подавлении частных интересов (каковы бы они ни были) общественными. Здесь противоречие между S^* и O^* (если оно есть) должно быть «снимаемо» в ходе развития группы как коллектива. А. В. Петровский писал, что в группах высокого уровня развития эмоциональные, «непосредственные» отношения как бы «прогреваются» отношениями деятельностьюными.

Условия формирования групповых норм

Нравственная образующая совместной деятельности (символизируемая в приведенной выше схеме вектором $S \rightarrow O^*$), очевидно, создает условия для формирования групповых норм: не уклоняться от ответственности, не перекладывать вину «с больной головы на здоровую», не приписывать себе успех, умаляя значение другого в общих достижениях, не злоупотреблять ссылками на «объективные обстоятельства» и т.д.

Идеальный объект и прогностические модели

Разрабатывая представления о деятельностном опосредствовании межличностных отношений, А. В. Петровский действовал так, как и подобает действовать истинному теоретику. Рассматривая деятельные социальные общности-коллективы, психолог исходил из образа «идеального объекта» своего исследования, выдвигал теоретические и эмпирические гипотезы, соотносимые с этим объектом, строил модели, обладающие силой предсказывать и объяснять выявляемые закономерности. Та же – собственно теоретическая – установка прослеживается и в других разработках А. В. Петровского.

2. Новое понимание личности

Совместно с А. В. Петровским мы работали над созданием особой онтологической модели личности, не вполне привычной для исследователей тех лет.

Конструктивные возможности теории для нового понимания личности

Главный вопрос, волновавший А. В. Петровского как теоретика и экспериментатора в последние десятилетия его жизни, заключался, прежде всего, в том, чтобы

«Близко-родственная» концепция персонализации в контексте собственной теории деятельностно-опосредованных отношений

Поймать «личностное» в «экспериментальную ловушку»

выявить конструктивные возможности теории деятельностного опосредствования для понимания личности человека, ее динамики, развития. Эта центральная тема придавала особый смысл тем шагам, которые предпринял А. В. Петровский в разработке концепции персонализации, трактующей личность индивида как его присутствие в жизнедеятельности других людей.

Включаясь в разработку родственной ему (я бы сказал близкородственной) концепции персонализации, А. В. Петровский, как мне кажется, преследовал решение именно этой задачи – оценки собственной социально-психологической теории как инструмента понимания *личности*, а не только взаимоотношений между индивидами, вовлеченными в совместную деятельность и общение. Его также интересовала возможность использования концепции персонализации для понимания межличностных отношений в группе, опосредствованных деятельностью, а также групповой деятельности, опосредствованной межличностными отношениями. Особый интерес для автора теории деятельностного опосредствования представляли механизмы развития личности в различных социальных общностях и в процессах перехода из одной общности в другую.

Вместе с А. В. Петровским мы разрабатывали концепцию персонализации. В основе этой концепции – идея личности человека как его идеальной представленности в жизни других людей, включенности одного человека в пространство жизни другого*. Большой цикл исследований в этом направлении мы проводили совместно с А. В. Петровским (иногда как соавторы, иногда как соруководители по диссертационным исследованиям).

Несколько слов я позволю сказать о себе как сотруднике Артура Владимировича. Два человека, почитаемых мною в качестве Учителей (А. В. Петровский и А. Н. Леонтьев), одинаково отвергли идею тождества понятий «личность» и «индивид». Я пытался найти феноменологическое свидетельство этой «нетождественности». В частности, как сказал бы М. Г. Ярошевский, поймать феномен «личностного», не сводимого к индивидуному, в «экспериментальную ловушку». Одно

* Я обозначал это понятие в разные годы по-разному: «личностные вклады», «представленность и продолженность», «отраженная субъектность», «метаиндивидуальная атрибуция», «личностность», «инобытие» человека в человеке, «присутствие», «бесмертие как внутренняя цель общения» и др.

из моих решений состояло в том, чтобы понять «личностное» как действенную отраженность (присутствие) человека в жизни других людей. «Отраженная субъектность» – это идеальная представленность и продолженность одного человека в другом, инобытие кого-либо в ком-либо.

Метод «отраженной субъективности»

Мне казалось естественным предположить, что глубинным, неутилитарным мотивом общения между людьми является побуждение отражаться в других значимыми чертами своей индивидуальности, а еще глубже, за побуждением этим – стремление к личностному бессмертию. Рассмотрев несколько способов бытия человека как личности (интра-, интер- и метаиндивидуальная атрибуция), я предложил *метод «отраженной субъективности»*, позволяющий исследовать эффекты присутствия человека в человеке. Этот метод представляет собой *анализ личности индивида («исследуемого») посредством выявления динамики проявлений других людей («испытываемых»)* при реальном или воображаемом контакте с ним (анализ возможных сдвигов в самооценке, типе и направленности фрустрационного реагирования, креативности, тенденции к риску, перцепции, динамики «зоны ближайшего развития» и т.д.).

А. В. Петровский – первый испытуемый будущей концепции

В этих экспериментах первым *испытываемым* был А. В. Петровский, а первым *исследуемым* – некто N. По завершении эксперимента Артур Владимирович был весьма впечатлен результатами. По сути, тогда он впервые сказал «да» будущей концепции. Для него было неожиданностью узнать об эффекте динамики образа собственного «я» при мысленном проигрывании личного контакта с N. «Поразительно! – сказал он мне. – Я и думать не мог, что в присутствии этого человека я становлюсь таким...» (самоатрибуцию опускаю). Остается добавить, что в присутствии этого человека не только Артур Владимирович, но и другие люди становились... (подробности опускаю).

Термин «персонализация» был предложен А. В. Петровским

Термин «персонализация» для обозначения этих эффектов и название концепции предложил мне Артур Владимирович. Он говорил потом, что всегда чувствовал необходимость ввести понятие, которое могло бы уравновесить по смыслу понятие «социализация», описывая противоположный по направленности процесс: не от социума к индивиду, а от индивида к социуму. Со временем выяснилось, что термин «персонализация» был «занят» (его использовали Тейяр де Шарден, психоаналитик Д. Винникотт, но, конечно, совершенно в ином плане). Мы, однако, решили, что этот термин

Потребность
и способность
персонализации

достаточно хорош, чтобы не пренебречь им, говоря, например, как это было в нашей совместной работе, о «потребности» в персонализации и «способности» к персонализации (хочу и могу «быть личностью»)*.

Гипотетическая *потребность* в персонализации (потребность «быть личностью») определялась нами как стремление индивида быть идеально представленным в других людях, жить в них, что предполагает поиск средств продолжения себя в другом человеке. Отталкиваясь от своей давней идеи о том, что потребность есть *сущность*, проявляющая себя многообразием мотивов и интересов, трактуемых, в свою очередь, как *проявления* этой сущности (1964), А. В. Петровский хотел тем самым подчеркнуть, что потребность в персонализации лежит в основе побуждений, которые ранее рассматривались независимо друг от друга (например, аффилиация, лидерство и др.).

Способность к персонализации (способность «быть личностью») – это индивидуально-психологические особенности человека, благодаря которым он совершает социально значимые поступки, обеспечивающие возможность получить идеальную представленность и продолженность в других людях. Персонализация достигает своей цели лишь в том случае, если ее участники являются взаимно значимыми.

А. В. Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого».

3. Трехфакторная модель «значимого другого»

Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений обращала ее создателя к критическому анализу существующих в психологии способов понимания и эмпирического исследования личности (преодоление коллекционерского подхода, при котором производится инвентаризация «черт» и «особенностей» индивида), к уточнению представлений о личности как особом качестве включенности индивида в жизнь окружающих его индивидов (разработка концепции персонализации и трехкомпонентной модели «значимого другого»), к оформлению его собственных представлений о процессах развития личности (интерпретация развития

* Я пишу об этом, проявляя сыновнее неповиновение. Сам Артур Владимирович, не желая, я думаю, «экранировать» сына, возражал против обнародования авторства этого терминологического нововведения применительно к идее «личности» (введенных мною терминов «личностные вклады», «кинобытие индивида», «отраженная субъектность» и т.п.).

«Значимый другой»: три аспекта значимости

личности как результат деятельностно-опосредствованного общения индивида со «значимыми другими» в группах разного уровня развития, разработка модели возрастной периодизации развития личности).

Первый фактор – аттракция, способность «значимого другого» привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию, быть социометрически избираемым или отверженным.

Второй фактор – референтность (при максимально позитивной ее выраженности – «власть авторитета»: признание окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах).

Третий фактор – власть, властные полномочия «значимого другого» (выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев.

Трехфакторную модель значимого другого иллюстрируют условные примеры, приводимые А. В. Петровским: «Кумир» – человек, обожаемый другими, непрерываемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом; «компетентный судья» – высоко-статусный по своей социальной роли и авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и неантипатичный; далее – «советчик-компьютер»; «деревенский дурачок», «божество» и т.п.

Создавая эту модель и называя ее «трехфакторной», А. В. Петровский не связывал напрямую имя модели с «одноименными» статистическими процедурами, (например, многофакторным анализом), однако планировал проведение таких исследований. Он рассчитывал, что со временем будет построена математическая модель «значимого другого», прогнозирующая его проявления в разных ситуациях деятельности.

Эвристичность трехфакторной модели «значимого другого»

Несомненные эвристические возможности трехфакторной модели «значимого другого» были подтверждены в исследованиях статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.). В частности, в исследованиях М. Ю. Кондратьева [2] был открыт феномен «нисходящей слепоты» во взаимоотношениях подростков, взаимно непривлекательных, но различающихся по властному статусу: абсолютная референтность высокостатусных в глазах низкостатусных и антиреферентность низкостатусных в глазах высокостатусных.

Таким образом, исследователю открывается воз-

Теория
деятельностного
опосредствования
и трехфакторная
модель «значимого
другого»

можно более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе – способности быть личностью в условиях конкретной социальной общности.

Возможно, читатель заметит, что трехфакторная модель «значимого другого» несет на себе печать трехуровневой модели описания внутригрупповой активности. Мы попробуем зафиксировать это соответствие, наглядно выражающее высказанную мысль (рис. 2).

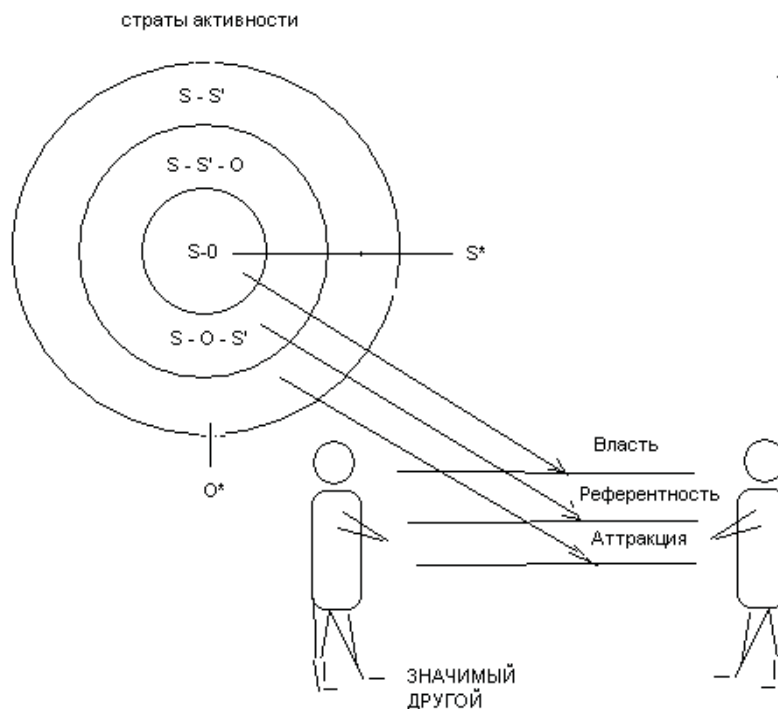

Рис. 2. Трехфакторная модель «значимого другого»

Как можно видеть, трехфакторная модель «значимого другого», относящаяся к психологии личности, логически преемственна по отношению к теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе. Как истинный ученый, А. В. Петровский искал и находил такие повороты проблемы, которые позволили бы ему в конечном счете сложить «кубик Рубика» целостной теории.

4. Концепция макро- и микрофаз развития личности в социальных общностях

Детерминанты
и фазы развития
личности

Потребность и способность быть личностью – теоретические конструкты, положенные А. В. Петровским в основу построения модели макро- и микрофаз возрастного развития личности. Здесь также был использован принцип деятельностного опосредствования межлич-

ностных отношений в группах. В этой модели были представлены закономерности и этапы вхождения индивида в новую, относительно стабильную социальную среду, а также особенности перехода из одной социальной среды в другую. «Пружина развития» была осмыслена А. В. Петровским как противоречие между потребностью и способностью индивида быть личностью в группах, различающихся характером построения и содержанием совместной деятельности*.

Решающее значение в развитии личности А. В. Петровский придавал деятельностно-опосредованному общению индивидов, образующих группу. При этом он полагал, что макро- и микрофазы возрастного развития личности одинаково подчиняются логике чередования процессов адаптации, индивидуализации и интеграции личности в группах: в «малой» группе (круг непосредственных контактов, «ближние»), где выделяются микрофазы развития и в «большой» группе (общество в целом, «дальние»), где речь идет о макрофазах развития.

5. Идея теоретической психологии

Первоначально эта идея разрабатывалась А. В. Петровским совместно с М. Г. Ярошевским, а далее (мне повезло!) – со мной. Теоретическая психология представляет собой результат категориальной саморефлексии психологии как исторически складывающейся науки. Разработка «категориального строя» психологии базировалась на механизме особого категориального синтеза, позволяющего изобразить логические взаимопереходы и связи между категориями различных кластеров («субстанциональность», «направленность», «активность», «когнитивность», «пристрастность», «событийность», «действительность») и плеяд («биологические», «протопсихологические», «базисные психологические», «метапсихологические», «экстрапсихологические» категории).

Теоретическая психология – результат категориальной саморефлексии

* В ранее предложенной мною модели *вхождения личности в новую социальную общность*, где были выделены три фазы такого вхождения (первичная социализация, индивидуализация, интеграция), источником развития считалось противоречие в сознании между «я в себе и для себя» и «я в другом и для другого», а именно *переживаемый* человеком кризис персонифицированности как явление субъективного порядка. Такое понимание представлялось А. В. Петровскому не вполне удовлетворительным. Он считал нужным сделать акцент на объективном противоречии между потребностью и способностью индивида персонализироваться в группе.

6. Проект «хронопсихологии»

А. В. Петровский – автор проекта «хронопсихологии», то есть *сравнительной социальной психологии времени*. В его последней книге «Психология и время» этот проект развернут в виде очерков о пережитом.

Идея двойственности психологического времени

А. В. Петровский писал: «Мы обратимся к феномену, характеризующему время в социально-психологическом измерении. Это двойственность восприятия времени... [эта идея], в учебниках психологии пока еще не зафиксированная. Каждый из нас объективно включен в исторический процесс, ни один человек не может быть свободен от тех условий и обстоятельств, в которых он живет и действует. Это так. Но совпадает ли во всех точках биография человека с перипетиями исторического процесса? Не бывает ли так, что дни, месяцы, а то и годы для народа, страны архитяжелые, а конкретный человек, отнюдь не выпадающий из своего окружения, переживает это время как счастливое? Может быть, он именно тогда признался в любви и узнал о взаимности, у него появился первый ребенок? Он живет как бы в двух временных плоскостях: объективной, исторической, и субъективной, личностной, биографической. Вспоминаю военные годы и вижу многочисленные тому подтверждения. Жизнь человека зачастую течет по своей собственной траектории, обходя ловушки, расставленные историческими обстоятельствами» [3, с. 10].

Но «хронопсихология» А. В. Петровского – она также и об этих «ловушках». В последние годы А. В. Петровский читал в Университете Российской академии образования (УРАО) замечательный курс «Политической истории психологии», в которой раскрывались закономерности жизни науки и человека науки в условиях тоталитарного государства.

7. Идеополе А. В. Петровского*

На пороге новой концепции

Спектр научных интересов и разработок А. В. Петровского я попытался представить графически (рис. 3). На этой схеме есть блок, содержание и название которого не было предметом обсуждения с Артуром Владимировичем при его жизни. Тем не менее логика развития его взглядов неизбежно приводит к обозначению новой сферы научных интересов и разработок, к которым А. В. Петровский фактически будет причастен как чело-

* Заимствую это замечательное слово – «идеополе» – у В. С. Мухиной [4].

Область научных интересов и разработок А.В. Петровского

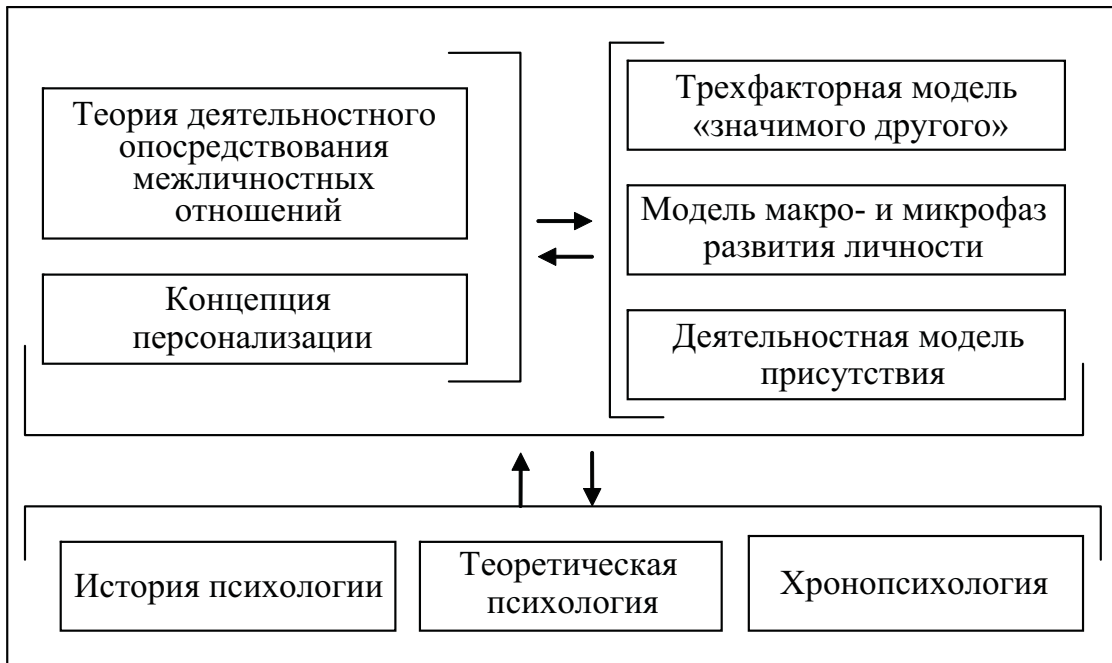

Рис. 3. Модель деятельностно-опосредствованного присутствия человека в человеке

век, *продолжающий свое бытие в учениках и сотрудниках*. Это – построение самой модели «деятельностно-опосредствованного присутствия» человека в человеке.

Человек представлен и продолжен в других людях не только *эмоционально*, но также и *ценностно, деятельно*. Представлен той «силой жизни», которая после его физического ухода, как писал Л. Н. Толстой, «не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, воздействует на меня».

Необходимо «просто» признать и принять этот факт, не подменяя идею деятельностно-опосредствованного присутствия идеей «памяти». *Инобытие деятельного субъекта активно*. Уже после ухода А. В. Петровского из жизни, а точнее, после перехода его в другую жизнь – жизнь в других, особенно остро ощущается то, о чем мы с ним никогда не писали. Он присутствует во мне как человек действия, как действующий человек. Не просто его присутствие, но его деятельностно-опосредствованное присутствие в себе я сейчас ощущаю, ибо теперь, когда я пишу всё это, поди разбери, кто сейчас водит рукой, кто подсказывает, что сказать дальше...

Деятельностно-опосредствованное присутствие

«Многовершинность»

Зная жизненный путь личности А. В. Петровского, можно было бы сказать о нем, что это многоплановый человек. Это – бесспорно. Но слово «многоплановый», может быть, не самое точное. Артуру Владимировичу была совершенно чужда манера «строить планы», «гро-

Вневременное
измерение жизни

мадьё» которых, как известно, способно затмить достижения. А. В. Петровский был «многовершинным» человеком, и каждая из его вершин рано или поздно превращалась в свершение.

Последняя книга была закончена им в дни ухода его из жизни. Ее название «Психология и время» символически связано с самим событием перехода из состояния «бытие во времени» во вневременное измерение жизни, – в то состояние инобытия, «идеальной представленности и продолженности», о котором Артур Владимирович Петровский много размышлял и писал в последние годы жизни.

1. *Петровский В. А.* Вместо послесловия. «Многовершинность» личности // Петровский А. В. Психология и время. – М., 2007. – С. 437–447.

2. *Кондратьев М. Ю.* Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях: Автореф. реф. дис. ... д-ра. психол. наук. – М., 1994.

3. *Петровский А. В.* Психология и время. – М., 2007.

4. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.
